

Первый бой

...Обычный воинский эшелон, теплушки и — месяц спустя — отдельный полк резерва офицерского состава под Днепропетровском, длительное обучение форсированию крупных водных преград и — ещё один бросок, теперь к Южному Бугу на западную окраину Новой Одессы, то ли большого села, то ли неудавшегося городка. За рекой, на крутом берегу то вспыхивая, то затухая, шёл бой за село Ковалёвку, за один из тех «пятакков», боевые успехи на которых складывались в предстоящую Великую Победу.

Командир пулемётно-миномётной роты представил взводу юного офицера. Солдаты, большей частью необстрелянные «старички», словно только что снятые с украинских печей, недоверчиво встретили щуплого младшего лейтенанта, в полтора-два раза уступавшего в возрасте многим из них. «Який стручок ладный», — сказал кто-то тихо, но достаточно внятно, чтобы выплеснуть на волю сдерживаемый до того солдатский смехок.

— Разговорчики! Смирно! Это ты, Ахтырка?! А ну, выдь сюда! — скомандовал помкомвзвода сержант Охупкин и повернулся к вновь назначенному командиру: — Дозвольте, товарищ младший лейтенант, воспитательную работу провести.

— Отставить! Рядовой... — Давыдов запнулся, не запомнив украинскую фамилию.

---

* **Улахович Дмитрий Андреевич** окончил Военную академию связи имени С. Будённого. Кандидат технических наук. Член Союза писателей России с 1998 года. Поэт, прозаик. Автор пяти книг стихов. Живёт в Санкт-Петербурге.

** Продолжение. Начало см. журнал «На русских просторах», 2021, вып. 4 (47), с. 25–31.

— Рядовой Ахтырка, — под-
сказал шутник.

— Рядовой Ахтырка, вы уме-
ете стрелять из пулемёта си-
стемы «Максим»? — Давыдов
указал на стоявшее в углу об-
ширной комнаты оружие.

— Зцього кулэмэта? Ни-и, нэ
вчивсь.

— Будем учиться. Станьте
в строй!

Ахтырка, изображая отча-
янного строевика, сделал один
шаг, а на втором навалился на
стоявших в две короткие — по
восемь человек — шеренги сол-
дат. Охапкин крепко и не ожи-
данно наступил ему на носок
и показал весьма внушительный

кулак. Хорошо сказать — будем учиться. Как быть, что делать с та-
кими бойцами-ахтырками, собранными во взвод за неделю с бора
по сосенке. Давыдов решительно начертил древесным углём на
посеревшей от прошлых боёв стене три концентрических круга,
«перекрестил» их — получилась мишень, и начался урок пулемёт-
ного дела.

Перед Давыдовым, не знавшим ещё, что такое бритва, с ноги
на ногу переминались переодетые в военное обмундирование
обыкновенные хмурые мужики. Вперив глаза в шестидесятики-
лограммовый агрегат на колёсах, силились они вникнуть в суть
дела и поражались, с какой быстротой и ловкостью разбирает это
сложнейшее устройство их новый командир, уважение к которому
росло с каждой минутой. Однако, когда дело дошло до надульни-
ка, солдаты засмеялись, поглядывая на Давыдова. И начинающий
командир принял хоть рискованное, но, как оказалось, верное ре-
шение: он рассказал о взводе надульников. Напряжение, которым
был заряжен воздух, спало. Солдаты с большим любопытством
и вниманием слушали своего наставника, когда Давыдов завя-
зал себе глаза и быстро и безошибочно собрал пулемёт, восторгу
не было конца. Подчинённые увидели в своём командире действи-
тельно умелого, знающего офицера, и обучение пошло поглаже,
появились уточняющие вопросы, у слушателей открылся интерес

А. Давыдов.
Автопортрет. 1985 г.

к изучаемому историческому оружию, которое они прежде видели разве в кино неразлучно с небезызвестной Анкой. Солдаты старались через собственные руки и собственный глаз, по своей хозяйственной привычке, познать главное: как с наибольшим ущербом для врага употребить вручаемое оружие.

И только один солдат не принимал участия в развернувшейся беседе, недоумённо смотрел он на товарищей, на то, как они вставляют брезентовую ленту с патронами, как целятся, как располагается пулемётный расчёт. Непонятно было: слушает он или нет. Одет он был странно: короткая шинель с короткими рукавами, вместо сапог — ботинки с обмотками защитного цвета, к тому времени ставшие почти ископаемой принадлежностью солдатского обмундирования, едва прикрывавшая стриженую головку, превращённая в трюх шапка — всё делало солдата неладным, а впалые щёки, неподвижные руки и полусогнутая фигура завершали образ невзрачного, кургузого человечка. Ни на чём подолгу не останавливался его отрешённый взгляд, не впитывал в себя происходящее, словно солдат этот наперёд что-то знал, что-то видел, о чём никто из сослуживцев и думать не хотел. И вдруг, точно выбравшись из небытия, он громко выпалил:

— А що цэ такэ кулэмэт?

Смех потряс хату при полнейшей растерянности Давыдова: через два дня в бой, а солдат спрашивает, «що цэ такэ кулэмэт»? Проку в таком учении оказывалось мало. И когда бы ни бывалый сержант Охупкин, умевший говорить с любым солдатом на необходимом языке, провозившийся с пулемётчиками чуть ли не беспрерывно почти двое суток, тайна пулемёта для многих из них так и не была бы раскрытой. «Вот что, народ вы спелый, ухватистый, никто без девок и баб... ла-адно, невест и жён, — отмахнулся Охупкин, заметив недовольство нескольких солдат, — не обошёлся. Карточки поближе к сердцу приютили. Так? Та-ак! Кто кого в каком, синем ли, красном платке провожал — неважно. Главное — мы все пулемётчики. И строчит пулемётчик, — сержант поднял вверх указательный палец, — пу-ле-мёт-чик! ясно? за синий платочек, а сам помнит: не задавим гадину в его логове — не будет нашей Родины, а тем паче синего платочка. Потому давай, давай, ребятки!» — поучал Охупкин разнокалиберное воинство, порою сопровождая поучение крепким словом, а требовалось — и не менее крепкой рукой.

Справедливости ради, следует заметить, что патриотическая философия Охупкина отдавала несколько странноватым привкусом.

Призыв к экспроприации экспроприаторов в своё время он воспринял с радостью, но исполнял его далёким от принятого закона путём, ввиду чего на фронт попал он по настойчивой своей неоднократной просьбе во искупление грехов, когда до момента окончательного привития любви к законам Отечества оставалось несколько месяцев, прощённые ему за успехи в освоении тайных богатств Урала-бабочки. Два его фронтовых года были отмечены двумя медалями и орденом «Славы» третьей степени за Днепр, чем весьма и весьма гордился; однако напоказ награды не выставлял, держал их вычищенными в карманах офицерской гимнастёрки. Серьёзные ранения обошли сержанта стороной, лишь трёхнедельной давности непредвиденный случай вывел его из предстоящего боя. Совершенно необъяснимо, каким образом ему, единственному в полку, достались американские лендлизовские сапоги, лёгкие, удобные. Кое-кто даже предлагал обмен на наши, родные, с придачей пачки пользовавшейся особым уважением сибирской махорки. «Покурю пока саратовскую», — отверг предложение Охапкин... Холодным вечером развели костёр сварить настоящий, с дымком пшённый кулеш с мясом и добрым салом. Охапкин, признанный специалист по кулешу, помешивал густевшую массу, как берёзовое полено стрельнуло горящим углем в его сторону — и сапог вспыхнул. Никто не знал, что изготовлен сапог из хорошо высушенной спрессованной бумаги, пропитанной неизвестным водоотталкивающим, легко воспламеняющимся составом. Ожог оказался тяжёлым, в связи с чем правая нога и бедро Охапкина ещё не были готовы не столько к бою, сколько к форсированию Буга.

Переправа началась на исходе блёклой зари, укрытой тонкими сероватыми облачками — предвестниками непогоды. Недостаток в плавсредствах компенсировался плотами, связанными из досок, оконных ставен, дверей, редко — брёвён; к плотам для увеличения плавучести наиболее сообразительные воины крепили брошенные автопокрышки, в ход пошли рыбацьи плоскодонки — ушкуи. Пулемётному взводу повезло: досталось по лодке на пулемёт с двойным расчётом. Лодки сидели глубоко, порой черпая воду, чему способствовали несогласованные и неумелые действия гребцов и хаотические движения соседних плотов, опасно кренившие лодку с борта на борт. Ещё немного — и лодка, где находился Давыдов, пошла бы ко дну, если б не села на прошлогодний рогоз и густые водоросли. До берега добирались в воде по самый подбородок, увязая в иле и раздирая водоросли.

Немцы засекли подошедшую к берегу «армаду» и ударили по ней с земли и с воздуха: мины, снаряды, бомбы «юнкерсов», крупнокалиберные пулемёты «мессеров» обратили прибрежные воды Буга в кипящую чёрную массу с различимыми красными разводами. Давыдов шаг за шагом выводил свой взвод под крутой берег. Тяжёлая, нагруженная тинной волна отбрасывала десантников назад, но они вновь и вновь повторяли шаги к спасительному под крутым берегом «мёртвому пространству». Пропитанное водой обмундирование ещё больше затрудняло движение, апрельская купель до судорог обжигала тело. Внезапно, как и начались, стрельба и бомбёжка прекратились. Изредка свистели пунктиры трассирующих пуль, да где-то позади плюхались в воду мины.

Обляпанные тинной и грязью, выбрались пулемётчики на берег.

— Хиба цэ вийна? Цэ ад страшный, кровавый! — возмутился рядовой Ахтырка. — Эй, славяне, а ну допоможьте! — Он никак не мог снять с себя станок, прижимавший к спине набухшую грязной водой шинель, отчего начинало знобить.

Солдаты выливали воду из сапог, потихоньку поминая чёртову родительницу. В нескольких сотнях метров от берега горела Ковалёвка. Бой за неё затихал. Туда, на подмогу державшемуся уже двое суток первому батальону, был брошен второй батальон, в составе которого и находился взвод Давыдова. Колеблющееся марево пожаров разбавляло сгустившуюся темноту.

— Разобраться по расчётам! — приказал Давыдов. Один из расчётов оказался неполным: в нём недоставало того самого кургузого, с отрешённым взглядом солдата. — Пулемёты на месте? Не вижу двух щитов. Где два щита? — Давыдов подлетел к здоровенным солдатам; небольшого роста офицер со сдвинутой на затылок каской вдруг в глазах солдат вырос в разгневанного гиганта, солдаты даже отшатнулись от него. — Я спрашиваю, где щиты, ... мать?!

— Там, — махнул один из солдат в сторону реки, — а то и не выплыть, — жалобно оправдывался он.

— Бросили, мерзавцы! Не выплыть им! Чем укрываться будете?.. Чем?.. Этим? — Давыдов выразил своё умозаключение грубо и сочно, ткнув солдату между ног.

Обстрел прекратился. Всё пространство заросло тишиной, среди которой то там, то сям с шипением раскрывались белые лилии осветительных ракет. Пулемётчика быстро добрались до первой траншеи, откуда надо было ещё сделать небольшой, в сотни две метров, бросок на рубеж атаки в окопы первого батальона. Расчёт командования был прост: не в правилах немцев вести серьёзный бой ночью, они всегда начинали его под утро. По всей видимости,

к удивлению офицера-новичка, младшего лейтенанта, именно это-го и следует ожидать. Вспышки осветительных ракет стали реже, что несколько успокоило солдат. Кое-кто даже закурил. Махорочный дым прижимался ко дну траншеи внезапно посыпавшимся мелким нудным дождичком. И дождичек, и промокшее обмундирование, и сырая земля траншеи создавали впечатление нескончаемого болота, начавшегося сразу от чёрного Буга. Давыдов был уверен, что именно здесь, на Ковалёвском пяточке, должно свершиться то, что решит успех не только Восьмой гвардейской армии, но и всего 3-го Украинского фронта. Уверенность Давыдова основывалась на интуитивной правоте неосознанной до конца мысли, рождённой успехами советских войск от севера до юга. Давыдов, в действительности, был не далёк от истины, однако он ещё не представлял себе всю трагедию реального боя, нацеленного на отвлечение внимания и сил противника: дым, гарь, тяжёлое содрогание земли под разрывами бомб, надсадный свой голос «Вперёд!» и разлётанные тела солдат...

Наступившая ночь и усталость брали своё. Несмотря на вселенскую сырость, пулемётчики задремали, сложив руки на коленях. Давыдов, возбуждённый первым предстоящим боем, стоял у бруствера местами полуразрушенной траншеи и вглядывался через бинокль в слабые сполохи пожарниц.

Разведка, высланная командиром роты, принесла безрадостную весть: первый батальон полёг весь, траншеи противника пусты, сразу за ними под укрытием развалин танки. Опытный командир роты знал, что если немецкие траншеи пусты, значит, вражеская пехота пойдёт за танками, а перед танками жди бомбёжки и артобстрела. Нужно было немедленно окапываться. Давыдов по солдатской цепи получил приказ оборудовать пулемётные гнёзда. Он перебирался от одного пулемёта к другому, помогая своим неумехам подготовить оружие к бою, и забивал колышки для ограничения сектора обстрела, чтобы в суматохе боя не ударить по своим двум полуротам, окапывавшимся на закруглениях флангов.

Начало светать. Утренняя дрожь смешивалась со страхом перед неизвестным, солдаты стали терять выдержку, и один из бросивших в Буг пулемётный щит дал бесприцельную очередь в сторону Ковалёвки. Тут же перед траншеей увесистым ответом разорвался выпущенный из танка снаряд. Давыдов с криком «Не стрелять!» бросился к строчившему пулемёту. На пулемёте, словно обняв его как друга, лежал солдат с вонзённым в глаз осколком снаряда...

Перед Давыдовым, как в обратной перспективе, ширилось погружённое в серенький предутренний туман сельцо, а весь обзор

сводился к небольшому участку извилистой, кое-где рассечённой в предыдущих боях траншеи с тремя пулемётными гнёздами. Внезапно Давыдов ощутил необычно странное дрожание воздуха; он окинул даль глазами: сельцо как бы заколыхалось и стало плавно расти ввысь, наваливаясь своей всё увеличивающейся выси серой волной на этот, без единого кустика, пятачок земли, где должен выстоять («И выстоит!» — мысленно утверждал Давыдов) его взвод.

Утренняя тишина постепенно наполнялась глухим натужным гулом. Давыдов прильнул к биноклю: промелькнувшая слабая догадка обернулась ровным строем вражеских самолётов. По надрывному гудению моторов Давыдов понял, что вновь приближаются «юнкерсы», совсем недавно атаковавшие переправу. Невозможно было поверить, что такая лавина направлена сюда, на «пятачок» со слабо оборудованными позициями, занятыми продрогшими от сырости, плохо обученными солдатами. Не верилось, что вот сейчас начнётся бомбёжка и надо будет прятаться в любой щели... Лишь когда первый бомбардировщик свалился на крыло и пошёл в пике, Давыдов во весь голос крикнул: «Воздух!»

«Юнкерсы» пикировали с включёнными сиренами, и оглушительный панически — надрывный рёв сирен так прижимал людей к земле, что даже видавшие виды солдаты (а в батальоне таких было немало) не смели поднять головы, не смели даже шевельнуться. Завывание сирен пригнуло неопытного Давыдова, придавило и бросило плашмя на землю, а затем... а затем горячий выдох взрывной волны швырнул его в траншею. Неподальку строчил пулемёт: белыми огоньками очередей, словно указкой, чертил по небу пулемётчик навстречу очередному скользившему в пике «юнкерсу».

Три огромных точки отделились от самолёта и трижды содрогнулась земля, и трижды чёрный салют из смеси мокрого песка и глины тяжело ухнул по окопам и траншеям, хороня раненых и убитых. Ещё не отбомбился последний самолёт, как начался ожесточённый артобстрел. Снаряды ложились близко, и чувствовалось, что вражеская артиллерия нацупывает пулемётные гнёзда. Шквал осколков свистел над головой, впивались в шершавые стенки траншеи — и вновь не хватало смелости ни подняться, ни пошевелиться. Между тем Давыдов, пережив жуткие минуты бомбёжки и артобстрела, уже пытался анализировать обстановку и мысленно задавал неясно кому направленные вопросы: где наша артиллерия, почему не поддерживают пехоту «катюши», куда подевались зенитки, отчего нет истребителей?... Ответа на эти вопросы он так никогда и не услышит, но догадается, в чём дело,

когда командир дивизии перед горсткой оставшихся в живых бойцов Ковалёвского пяточка скажет: «Вы сделали всё, что смогли, спасибо вам! Вот говорят, будто дивизия воюет на своём участке. Нет, нет. Воюют полки, батальоны, но держит фронт каждый солдат». Затем обойдёт он печальную шеренгу из полутора десятков раненных и контуженных воинов и каждому со словами «Спасибо за фронт!» вручит медаль «За боевые заслуги»...

А пока земля тонула в жёлтом головом дыму, вызывавшем нескончаемый кашель. Слабый ветерок с трудом сгонял к реке этот едкий и тяжёлый воздух. Давыдов понял, что артналёт закончился и можно оценить потери. Потери составили полвзвода.

Подозрительность наступившей тишины настораживала Давыдова — немец явно что-то замышлял, да не шуточное. Чаще стали вспархивать разноцветные ракеты. Солдаты, прижавшись друг к другу и стенкам полуразрушенной траншеи, покуривали. Красный огонёк самокрутки переходил от одного к другому, то вспыхивая, то угасая. О чём думали солдаты, кто знает!.. Может быть о тех, кого унесли бомбардировка и артобстрел, или о тех, кто остался в водах Буга. Но чаще всего думы их уносились к родным местам, к дорогим и любимым лицам. Несколько часов тишины успокоили бойцов, позволили перевязать раны. Все три «Максима» оказались целыми, и Давыдов сформировал новые расчёты, оставив подле себя Ахтырку с ручным пулемётом да заряжающего с дисковыми лентами.

Захотелось есть. Давыдов извлёк из вещмешка банку мясных аргентинских консервов с ключиком на боку и отсыревшие, но вполне съедобные галеты.

— Командир! — тронул Давыдова за плечо Ахтырка, разглядывавший панораму под прикрытием бруствера. — Бачишь?

От Ковалёвских развалин-укрытий отделились танки и развёрнутым строем, не спеша, перевалились через немецкие траншеи. Их длинные стволы вычерчивали замысловатые линии в точном соответствии преодолеваемой местности. Позади танков сквозь дым просматривались спешащие фигурки автоматчиков в ненавистных тевтонского образца касках. Танки шли до пренебрежения нагло с абсолютной уверенностью в собственной безопасности. Да и как не быть уверенными, когда ни воздушные налёты, ни артиллерийская обработка позиций не получили со стороны русских никакого ответа! За многочасовую подготовку к атаке немец понял, что как уничтоженная двумя днями раньше войсковая группа, так и высадившийся прошедшим вечером сильно потрёпанный авиацией и артиллерией десант является лёгкой добычей, над которой можно и поглумиться. Не дойдя до позиций батальона метров

двести-двести пятьдесят, танки остановились и прямой наводкой несколькими залпами ударили по засевающим в окопах и траншее, после чего из-за танков выскочили автоматчики и, бесприцельно стреляя на ходу, ринулись на оборонявшихся.

— Огонь! — скомандовал Давыдов. — Огонь! — и сам прильнул щекой к прикладу автомата. Он видел, как в наступающей цепи падают казавшиеся ему снизу большие фигуры, а на их месте вырастают новые и новые. Давыдов различал то захлёбывавшиеся в горячке, то замолкавшие на короткое время *свои* «Максимы». Он слышал пронзительную ругань Ахтырки, встречавшего врага точным огнём ручного пулемёта.

Плотный огонь заставил залечь наступавшие цепи. Танки вновь стали нащупывать пулемётные гнёзда и били всё точнее и точнее. Наконец, один «Максим» затих, другой — без щита — заклинило, на третьем тяжёлые ранения получил весь расчёт. Давыдов метался между последними двумя, налаживая и стреляя, оттаскивая их на новые позиции во избежание танковой пристрелки. И в этом метании и налаживании Давыдов до крови изодрал себе руки и безразлично встретил тупой удар по ноге. «Ранен», — подумал он и тут же успокоился: осколок порвал голенище. Немецкие автоматчики, воспользовавшись краткой заминкой оборонявшихся, снова бросились в атаку, улюлюкая во всё горло.

Бой нарастал. Немецкие гранаты с длинными ручками уже достигали окопов и траншеи. Опытные смельчаки, а за ними и бесстрашные новобранцы успевали выбросить гранату назад. Бой накалялся и достиг того предела, когда психикой бойца управляет не разум, а инстинкт, страх, отчаяние. Казалось, каждый патрон, каждая граната были последними, а немец полз, лез, пёр, и виделось, что вот-вот ввалится в траншею... в этот момент солдаты стали выскакивать из почти не спасавших укрытий и в полный рост под разбойничий свист, гиканье, несусветную извозчичью брань и долгое и тоскливое «У-урр-а-а!» кинулись на противника.

— За-а-мно-ой! Вперё-ёд! — ринулся Давыдов в интуитивном стремлении хоть как-то организовать неуправляемое разбушевавшееся войско.

Вряд ли голос его был услышан, однако вихревая фигура командира ещё больше добавила удали и бесстрашия подчинённым, безудержно рвавших наступающую цепь. Враг отпрянул, заглох, оцепенел. Но оцепенение это длилось недолго. Танки взревели и, огромные, тупорылые, отчётливо зримые до поручней на чёрной броне, пошли со всех сторон расстреливать и давить бросившихся назад, через траншеи, к берегу людей.

Говорит художник Давыдов

Это было не отступление, а скорее стихийное, паническое бегство, хотя, как потом выяснилось, команда на отход была отдана, но никто об этой команде не знал: бежали связисты, бежала пехота, бежали сапёры, а добежали до берега единицы. И вновь мы в воде, холодной, жгучей до судорог. Кое-как прибились к своему берегу на брошенных в плавнях лодках. Ахтырку я потерял. Несколько незнакомых бойцов не могли заглушить чувство бесконечного одиночества, потерянности и горечи. «Пятачок» оказался дорогим: взвода нет, пулемётов нет... Едва ступив на берег, я потерял сознание.

Сколько пролежал — не помню. Очнулся на печи, на лежанке, совершенно голый, прикрытый простышкой. Слышу: веселые женские голоса, и сообразил, что я у своих. Какая-то барышня почувала моё шевеление: «Лейтенантик, садись кашу есть!» Кинули мне галифе и всё, что положено. «Где я, кто вы такие?» — спрашиваю после хорошей гречневой каши. Отвечают, медсанбат такой-то. Спрашиваю, где такая-то часть. А тут надо заметить, что документы мои не выдержали «водных процедур» и на удостоверении можно было с большим трудом прочитать лишь фамилию. Объяснили мне, что часть моя в другом конце села. Отсюда примерно километра два с гаком. Гак на Украине резиновый: чем длиннее примерный километр, тем длиннее гак. Да и сёла на Украине длинные, а Новая Одесса — ещё длиннее. Так что выходило на гак пяток километров.

На пороге штаба полка, размещавшегося в крепком, странно уцелевшем кирпичном двухэтажном доме, встретил меня штабной капитан.

— А-а, — говорит, — явился!

— Так точно, — отвечаю, — явился.

— А где твой взвод, к у л э м э т ы где?

Знал капитан, и где мой взвод, и где пулемёты. Издевался он надо мною. Мне и без того хоть пулю в лоб... плакать хотелось, но сдержался, лишь тяжко дышал.

— Значит так, чтобы пулемёты были. Делай, что хошь, но пулемёты чтоб были! — и, обложив меня пятистоппным матом, выпроводил из штаба, а вдогонку добавил: — Вчера на тебя похоронку заготовили: видели убитым.

А кто мог видеть, кто мог сказать? Разве что кто-либо из оставшихся в живых солдат моего взвода?.. Ахтырка?

Прихожу в свою хату — точно: на скамье лежит Ахтырка, над ним хлопочет Охупкин, водкой растирает. Мужик он неробкого

десятка, со смекалкой, но не очень хотел, чтобы голова его осталась там, в окопах, а тут ожог ему ну просто ко времени. По примеру штабного капитана взял я его таким же оборотом: «Ах ты, ангидрит твою перекись мать, так-перетак! Грел здесь свою ж... Чтоб завтра были два пулемёта! Не то убью!..»

(Слушай, Дима, я тебе рассказываю всё, как было, а вот так и было.)

Охапкин, храбрый мужик, побледнел — видать, столько было напора в моём неожиданном появлении и последующем монологе, что декларацию измученного человека он воспринял как прямую угрозу, тем более что подобные факты на фронте не были единичными.

— Лейтенант, лейтенант, всё будет в порядке.

...Ранним апрельским утром поднимает меня Охапкин:

— Младшой, один пулемёт есть. Сходим за вторым.

Привёл он меня к яблоневому саду; яблоням человеческие страдания ни по чём: у них в апреле свои заботы — цвести.

— Стой здесь, жди. Потому что не твоё это дело.

Походил я по краю сада, подышал первым яблоневым духом. Хорошее было утро. Гляжу: выносит Охапкин пулемётный ствол.

— Зенитчик здесь один обретаётся. Давненько за ним присматриваю. Привязал он к яблоне ствол в ожидании «крестовых» бомбардировщиков — противовоздушную оборону сада организовал, болван.

— Что же ты с ним, зенитчиком, сделал? — спрашиваю.

— Ничего. Он так хорошо спит... шапкой глаза укрыл от солнышка... режь вервие, тики-так!

— А если б проснулся?

— Проснулся б, — сержант вытащил из-за голенища обоюдоострый кинжальчик с наборной рукоятью, поиграл им в солнечных лучах, — ткнул бы, а рядом — колодец... и со святыми упокой... тики-так... не спи на посту, не спи, — Охапкин, пользуясь собственным незабываемым опытом, порою строил из себя эдакого приклатнённого из одесской шпаны.

Собрали мы втроём два с половиной пулемёта: тут ещё Ахтырка «пошукав, пошукав та и знайшов». Где, у кого — ни слова. И стали мы готовиться к новому бою за Ковалёвку, а потому и к переправе, которая теперь ожидала и Охапкина. Сызнова повторялась старая история: дали новых солдат — обучай!

К счастью оказалось, что наша неудача — всего лишь одна из отвлекающих силы противников операций. Пока на Ковалёвском пятачке мы принимали на себя смертельный удар, а затем кое-как приходили в чувства, Восьмая гвардейская армия, куда входил

наш полк, подготовила и провела операцию по разгрому противостоящей группировки. Боясь попасть в котёл, вражеские войска оставили не только Ковалёвку... Но случилось это на седьмые сутки после гибели моего взвода, а если быть точнее — двух наших батальонов. Я этой цели сразу-то и не разглядел. Лишь потом, пройдя Сандомирский плацдарм и накувыркавшись вдоволь по госпиталям и фронтовым путям-дорожкам, усвоил я простую военную истину: силы наступления должны, по крайней мере, втрое превосходить силы обороны. Какую другую, кроме отвлечения сил противника, задачу можно было решить всего двумя батальонами на хорошо укрепленном Ковалёвском пяточке?..

Сапёры навели отменную переправу, и вся пехота двинулась по чернозёму вдогонку за отступающим немцем. Наша пулемётно-миномётная рота была замыкающей в длиннющей колонне, а мой взвод шёл и вовсе в арьергарде. А что это значит? А это значит, что нам приходилось почти бежать: если первые-вторые-третьи ещё как бы не торопятся, идут нормальным шагом, то двадцатые — тридцатые вынуждены переходить на ускоренный шаг, а то и вовсе на бег, если ростом не вышел.

Одной из задач взвода было отражение возможной воздушной атаки. Для этого один пулемёт с расчётом находился на приданной мне телеге, там же разместили больного солдата. За состоянием колонны следил тот самый капитан, что меня встретил в штабе: «Где твои кулэмэты?».

— Подтянись, растуды твою, подтянись! — орал он, разъезжая на лошади вдоль колонны. — Быстрее, быстрее, бегом! — командовал он моим солдатам.

Но как можно отягощённых немалым грузом людей заставить бежать по вязкой скользкой земле, если через каждую сотню метров надо остановиться, чтобы палкой соскрести с сапог жирнящий чернозём. Что могли мои солдаты? Я тоже для изображения остратки использовал великий могучий, но солдаты мои отставали. Один из них — ему было уже за сорок — просто изнемогал. Жалко стало старика (мне-то всего двадцать один!). Привязал я его к телеге, чтоб легче было ему продвигаться и чтоб другим не давал примера отставать. Но это не помогло. Шедший впереди солдат, нагруженный пулемётным станком, упал прямо в грязное месиво. Упал и лежит. На помощь ему выделил я Ахтырку и Охапкина. А тот не хочет подниматься, не хочет — и всё. Тут подъехал разъярённый капитан. «Вставай! — кричит. — Вставай!» Крутится вокруг солдата на лошади, окидывает его грязью из-под копыт и добавляет свой пятистоппный. А тот не встаёт, солдаты

мои ничего не могут с ним поделывать. Был он откуда-то из Средней Азии и вечно жаловался: «Курсак пустой, не могу воевать». Подбегаю к нему — он и меня не слушает, бормочет что-то на своём непонятном языке, разборчивым только и было что — «О Аллб! О Аллб!» Может в надежде, что его оставят в покое, а потом догонит... не знаю... Но внезапно в нём что-то произошло, ещё никто не понимал, что именно, не видел, а он вдруг стал цепляться за сапоги Охапкина... и был у него такой взгляд... Не забыть мне его, не забыть. Взгляд этот выражал предчувствие того, чего никто не ожидал, но что произойдёт через мгновение: взгляд его одновременно и умолял о пощаде и был уже *оттуда*... Капитан в упор выстрелил в лежащего.

Солдаты мои в страхе отпрянули, а я принялся кричать на капитана, что он не имеет права расстреливать, что есть суд, трибунал.

— Я тут и суд, я и трибунал. А ну вставай и ты теперь! Давай, давай, отойди в сторонку, — капитан приплясывал на своей кобылке с трофейным «Вальтером» в руке.

Я встал. Солнце, жаворонки поют и небо голубое-голубое, чёрная земля в прошлогодних стернях. Рядом встали Ахтырка и Охапкин.

— И тебя застрелю, сукин сын!

Был ли страх? Знаешь, я тебе скажу, страха не было. Какой тут может быть страх, когда я его до этого нахлебался в буквальном смысле, да в блокадном городе много чего видел и немало натерпелся. И тут — ну что? Ну что? Всё, привет... Пожалел он, видимо, моё юное лицо — выглядел-то я мальчишкой. Запахнул свой «Вальтер» в кобуру и плетёной, с грузом, нагайкой полоснул меня от головы до задницы раза три на виду у всего взвода.

Убитого солдата мы закопали. Гробов на фронте не делают...

* * *

Однако лукавил Анатолий Захариевич в утверждении, что не обращался он в своём творчестве к войне. Это справедливо отчасти и в том смысле, что лишь в начале 80-х годов военные испытания обратились-таки небольшим, но, смею утверждать, прекрасным циклом: «Зимнее солнце блокады» (1980), «Утро Дворцовой площади» (1982), «Воспоминание о войне» (1982), «Зима сорок второго» (1983). Всё это написано по крепкой зрительной памяти художника. Хронология цикла подсказывает неслучайность обрамления картины «Воспоминание о войне» (а по сути — о Ковалёвском пяточке) картинами блокадной темы, то есть темой юности. Ведь именно в юности содержатся наши будущие победы

и поражения, там уже мы гении и посредственности, честные и подонки, трезвенники и пьяницы, богомольцы и богоборцы, сластолюбцы и многотерпцы, венценосцы и рядовые, узурпаторы и добряки... Там зарождается судьба, которая становится тем богаче и ярче, чем богаче и ярче она отображает судьбы других людей, а потому и историю своей страны, как то самое «Воспоминание о войне»: военная дорога уходит к берегу Буга, а за рекой справа закатным солнцем освещён указатель «*Kovalevka*», в сторону которого летят краткие штрихи трассирующих пуль, а на воде намёки на какие-то плавсредства...

Блокада и Ковалёвский пяточок стали нашей историей и одновременно судьбой бывшего «надульника», а ныне Заслуженного художника России.

P. S.

Война для профессора-радиотехника закончилась: к сожалению, он уже не увидит этой публикации.

Художник же Анатолий Захариевич Давыдов недавно радовался своей большой и прекрасной выставке в Союзе художников, прошедшей с 25 декабря (!) 2002 года по 19 января (!) 2003 года, и пишет новые картины. Умер Анатолий Захариевич в 2009 году.

Фамилия, имя, отчество: Анатолий Захарович Давыдов

Дата рождения военнослужащего: ____.1923

Время поступления на службу: ____08.1942

Место призыва: Самаркандский РВК, Узбекская ССР, Самаркандская обл., Самаркандский р-н

Воинское звание на момент награждения: мл. лейтенант

Место службы: 273 сд 22 ск

Награда

Чем награждён: Орден Красной Звезды

Дата представления к награде:

Дата совершения подвига:

Описание подвига или заслуг

Орден Красной Звезды Анатолия Захаровича Давыдова

Орден Красной Звезды Анатолия Захаровича Давыдова

Архивный источник

Реквизиты документа: ЦАМО. Фонд 33. Опись 690306. Единица хранения 3469.

Санкт-Петербург